

Виктор Будаков,
член Союза писателей России

И НЕТ ПОКОЯ

Даты, заключенные в скобки, обычно объемлют время земной жизни человека.

1938–1996 — время жизни писателя, нашего земляка Василия Алексеевича Белокрылова. Биография его — и географически, и событийно — вмещается в немногие строки. Родился в селе Дерезовка Верхнемамонского района Воронежской области. После школы долгие годы работал журналистом в районных газетах. Учителем в родном селе. Член союза писателей СССР с 1972 года. Автор книг: «Под солнцем покоя нет», «Весна начинается с гроз», «Мороженые яблоки», «Страна голубых снегов», «Завязь», «Половодье», «Жизнь как жизнь», «Долгая неделя». Двадцать с небольшим лет между выходом первой и последней книг.

Жизнь как жизнь. И неповторимая, и единственная, как у каждого живущего.

Наши с ним дороги сходились, и сходились не раз. Начать с того, что в одной школе в 1957 году заканчивали мы десятый класс. Слобода Новая Калитва, не столь давняя фронтовая черта, кровавая веха Великой Отечественной войны, тогда еще была районным центром, и в главную школу района стремились попасть лучшие выпускники из семилеток окрестных сел. От того ли или по счастливому прочерку судьбы в главной школе подобралось счастливое созвездие молодых дарований. Василий Белокрылов, Борис Таранцов, Егор Посвежинный, Рая Каменева, Таня Сергеева... Перечислять пришлось бы долго, скажу только, что каждый из нас был преисполнен надежд, подчас весьма честолюбивых, но и небезосновательных. Впереди, уже вне школы, шли Василий и Анатолий Жилиевы, старше нас, сыновья директора школы, замечательного педагога и человека — Павла Ивановича Жилиева, оставившего о себе добрую и признательную память.

Стояла весна пятьдесят седьмого года, прекрасная, как всякая весна, молочно-белая цветшими садами и слепяще-белая водами слабеющего половодьем Дона. По вечерам в далекой небесной сини зелеными штрихами пульсировал первый в

мире спутник — наш, отечественный». Мы были молоды, мы ощущали молодость страны, и отмененные палочки на трудодни, и отмененные драконовские налоги давали деревне и ее сыновьям чувство раскрепощенности. Наглядно эта раскрепощенность видна была в Василии.

Широкоплечий, сильный, с кудрявым чубом, весь дышащий какой-то казачьей удалью. В детстве из-за мальчишеской забавы едва не лишился зрения, чудом уцелел один глаз, и взгляд его устремлялся на собеседника настойчиво, пронизательно, а для девчонок, наверное, и влекуще-омутно.

Часто его можно было видеть с книгой и гитарой. Книги были только художественные — сборники стихов, русская и мировая классика. Математики решительно не знал, поскольку не учил и не хотел учить. Играл он на гитаре, наверное, и не лучше сонма других любителей звенящей струны, но пел хорошо — сильно, задушевно. Надо мной (а я в то время много читал и занимался спортом — гириями и перекладиной) подтрунивал: мол, затеи барские, городские, интеллигентские; на что я, смеясь, отвечал, что и гитара тоже — не главное орудие крестьянского труда, не коса в руках кольцовского косаря.

Был выпускной вечер. Окрыленная, аттестованная юность за полночь разбрелась по Калитве — группами, вдвоем, в одиночку. Я выбрал Миронову гору. Он — заречные луга. Оттуда долго была слышна Василиева песня, эту песню словно бы слышу до сих пор, она дышит надеждой, которой никогда не сбыться.

После выпускного встречались мы изредка. Меня, пока не обосновался в Воронеже, кружило по стране, а Василий работал газетчиком в родных местах. Писательской своей мечты он не оставлял, работал упорно над рукописью «деревенской» повести, и в 1966 году повесть, при поддержке знаменитого и тогда влиятельного писателя Константина Симонова, увидела свет в столичной «Советской России».

Несколькими годами спустя Белокрылов, приехав по издательским делам в Воронеж, остановился у меня в гостях. Подарил свою «Завязь» с надписью: «Рад буду, Виктор, если тебя взволнует здесь хоть одна строка». Ну почему же одна? К той поре я с радостью прочитал вышедшую опять-таки в «Советской России» небольшую книгу его хороших рассказов с поэтичным названием «Страна голубых снегов», сказал о ней в печати добрые слова; страницы книги исполнены были лиричности, ясного голубого света, чуткости к родной природе и человеку. Тем же днем приехал из Богучара мой институтских времен друг Эдуард Баранников, человек талантливый, позже долгие годы проработавший редактором Центрально-Черноземного книжного издательства. Все мы друг друга хорошо знали и, начав разговор с книг и писательского дела, повернули, как и следовало ожидать, на родные богучарские, дерезовские, нижекарabutские придонские холмы и кручи, на крестьянский народ нашей малой родины. За хмельной беседой зимней ночи не хватило... А сколько в таких «великих сидениях», чуждых практичным западным людям, тратится не только времени, но и душевных сил, — о том кто из нас думает? Разве что когда сгорает человек...

В 1976 году Белокрылов перебрался в Воронеж. Встретаясь, мы, прежде чем в издательство, заглянули пообедать в небезызвестную в те времена «Россиянку». Не обошлось без выпивки, правда, грустной. Горевали о трагических судьбах Шукшина, Прасолова. Василий только что вернулся с Высших литературных курсов, и литературные столичные нравы, судя по рассказу, не стали для него благотворными. Сам смысл сугубо литературного дела, отвлеченного от прямого участия в жизни, может быть, впервые, подвергался им сомнению. И семейно-устроительный уклад тоже разладился: ушла жена, и Василий рассказывал о том, словно на исповеди, хотя мы уже года три как не виделись; наверное, ему хотелось излить душу человеку, который помнил времена их счастливой семейной молодости.

Виктор Будаков с Прасковьей Андреевной — матерью писателя
В. Белокрылова

В Воронеже Белокрылов прожил несколько лет, написал несколько книг, в издании их ему «зеленый свет» давал директор Центрально-Черноземного издательства Анатолий Свиридов, доброжелательно к талантливому автору относились и редакторы. Книг могло быть больше, но душевные боли не удавалось лечить иначе, как неумолимыми утягами в алкоголь, дальше — больше.

И писатель решил вернуться на малую родину, в Дерезовку, в материнский дом.

Надо думать, он решил вернуться к живой жизни, вернуться к полю и школьному классу, попытаться разомкнуть туго размыкаемый круг. И действительно, он стал писать в жанре публицистики о неустройном и кровоточащем на родной земле, на которой в тяжелой, честной страде жили его прадеды и его земляки-современники. Сколь кстати пришлось здесь, в публицистике, его прямодушие и искренность, умение писать крепко, образно и без лукавой «амбивалентности».

На одном из писательских собраний именно об этом я и сказал, а после собрания Белокрылов подошел ко мне, и, как прежде, мы стали выстраивать планы встречи на нашей донской родине, в его Дерезовке, как однажды в далеком семьдесят первом...

...И хотя бездна лет миновала, мать писателя, Прасковья Андреевна, узнала меня и вспомнила тот летний день семьдесят первого. Но я застал ее уже одну — без сына.

И в тот раз она рассказала такое, отчетливее, решительно понятнее стал характер ее сына. Она рассказала, как ей однажды по весне пришлось добираться из Верхнего Мамона в Дерезовку. Поверх донского льда вдруг пошла вода, привычный зимний, по реке, путь вмиг стал опасен, но ей надо было поспеть на дойку, и она в худой, на последнем износе обувке, одна-одиошенька поспешила через Дон. Промокла насквозь. И с той поры крутит, выворачивает жилы, ноги болят, почти не стихая. На мой растерянный вопрос «Можно же было как-то иначе, подождать своих?» она только и ответила: «Так коровок кто бы подоил? Надо было поспеть.

То ж моя работа». Маленькая, сухонькая, дробенькая, она в тот миг невольно обрела в моих глазах образ «величавой славянки», по-православному многотерпеливой, душевно сильной и беззаветной, могущей не только коня на скаку остановить, но и ради ею понимаемого долга не побояться ледяной глубины-пропасти.

Так и ее сын. Он сам себе с молодости задал долг и дело и исполнил его честно. А какие глубины каждого подстерегают — в молодости никому не дано знать.

В последние годы каждое лето мы с младшим сыном Олегом и с Василием Жилевым, поэтом и художником, моим другом и другом Прасолова, Белокрылова, Таранцова, приезжаем в Дерезовку. И прежде всего на миротворящем, заросшем березами, кленами и акациями кладбище идем к могиле Василия Алексеевича Белокрылова. Говорим, как с живым. Вспоминаем. Молчим. А затем едем к Матери.

Воронеж

Евгений Новичихин,
член Союза писателей России

ПИСАТЕЛЬ ИЗ СТРАНЫ ГОЛУБЫХ СНЕГОВ

Мое знакомство с Василием Белокрыловым, поначалу «шапочное», произошло в середине 60-х годов. В узком коридоре третьего этажа здания по проспекту Революции, 37, где размещались в ту пору и правление Воронежской писательской организации, и редакция «Подъёма», редактор отдела поэзии журнала Владимир Гордейчев остановил меня, чтобы обрадовать: в очередном номере пойдут мои сатирические миниатюры. Пока разговаривали, подошел довольно импозантный молодой мужчина, по виду — мой ровесник.

— Вы, я вижу, не знакомы? — спросил Гордейчев и представил нас друг другу.

Не знаю, было ли известно мое имя Василию, но я его имя уже знал. Литературные страницы в областных газетах появлялись в те годы регулярно, и я успел обратить внимание на его рассказы.

Помню, Белокрылов спросил у Гордейчева, на месте ли Иван Алексеевич Матюшин — тогдашний редактор отдела прозы «Подъёма». Матюшина не было, и Василий тут же ушел.

Следующая наша встреча произошла не скоро. Белокрылов работал в те годы в районных газетах области, и его журналистские пути-дороги редко вели в Воронеж. Меня удивило тогда, что он отыскал меня, мало знакомого ему человека, сам.

— У меня к тебе просьба, — сказал он, протягивая мне какую-то тоненькую книжку. — Напиши для «Подъёма» рецензию на этот сборник.

Я взглянул на книгу. «Медовый месяц», стихи. Автор — Анатолий Гриценко, и это мне ни о чем не говорило. Сборник вышел в Ростове, что меня несколько смутило: ведь территориально тогдашний «Подъём» был «привязан» к Центральному Черноземью гораздо больше, чем в более поздние годы.

Заметив это мое смущение, Белокрылов уточнил:

— С Анчиполовским я согласовал.

Зиновий Яковлевич Анчиполовский руководил отделом критики журнала, и мне оставалось только пообещать Василию, что рецензию непременно напишу.

— Спасибо, — сказал он.

И добавил:

— Толя Гриценко — мой друг. Хороший поэт. Это его первая книжка, и мне хочется, чтобы читатели «Подъёма» о нем узнали.

До сих пор не знаю, почему Белокрылов обратился именно ко мне. Наше знакомство с ним ограничивалось к тому времени какими-то одной-двумя минутами. О том, что я успел опубликовать в «Подъёме» пару рецензий, из которых лишь одна была посвящена стихам, Василий, разумеется, мог знать. А мог и не знать. К знаменитой воронежской школе критики, выпестованной Анатолием Михайловичем Абрамовым, я не имел ровным счетом никакого отношения. Более того, даже тогда, делая, в общем-то, начальные литературные шаги, находясь в поиске, никаким образом не связывал свое будущее с жанром критики.

Думаю, что Белокрылову посоветовал меня в качестве рецензента Владимир Григорьевич Гордейчев, который относился ко мне вполне дружески — с первых же дней нашего с ним знакомства. Но это лишь моя догадка, не более того.

Словом, книжку я у Белокрылова взял. Когда познакомился с ней, понял: если буду расхваливать автора, то покривлю душой. Первые опыты Анатолия Гриценко в поэзии были талантливыми, но, на мой взгляд, далеко не безупречными, так что рецензия складывалась в моей голове достаточно критичной. Но как отнесется к этому Белокрылов? Он-то, видать, ожидает от меня похвальных слов в адрес друга! Не отказаться ли мне от этой рецензии, пока не поздно?

Зашел в писательскую организацию, поинтересовался, как можно позвонить Василию. Теперь уже не помню, в какой районке он в тот период работал (было это, по всей видимости, в начале 1966 года). «Поймал» его с первого же раза: он оказался на месте, в редакции. С первых же слов понял мою тревогу и даже слегка возмутился:

— А разве я просил тебя восхвалять автора? Пиши так, как считаешь нужным. А Толя Гриценко будет рад любому отклику на книжку, тут ты не сомневайся. Даже хорошо, что покритикуешь его. Критика возмущает только недалеких людей. А Гриценко не такой...

Моя рецензия была опубликована в ноябрьско-декабрьском номере журнала за 1966 год (журнал выходил в те времена один раз в два месяца). Конечно (в этом можно не сомневаться), Белокрылов отправил экземпляр этого номера в Ростов. И уж точно помню, что он передавал мне какие-то слова благодарности от Анатолия Гриценко. А когда я уже работал в «Подъёме», мне неоднократно приходилось бывать в Ростове. Как правило, это были поездки по линии Всесоюзного агентства по охране авторских прав (в Ростове до сих пор работает его филиал, в зону которого входит и Воронеж), но я обязательно заходил и в редакцию «Дона». Там и познакомился с Гриценко, так сказать, очно. Приходилось встречаться с ним и в Москве (в нашем Союзе), в каком-то писательском Доме творчества (кажется, в Пицунде). И он всегда заводил разговоры о Белокрылове, высоко оценивая его книги. К слову сказать, друг Василия вырос в очень даже достойного поэта, а к тому же, признаюсь, был и весьма симпатичным мне человеком.

Но вернусь к самому Белокрылову. В сентябре 1971 года он возвратился в родную Дерезовку. Стал учительствовать в местной школе. Как раз той осенью мы познакомились с ним еще ближе. В октябре Союз писателей России и Центральный Комитет комсомола проводили в Туле Всероссийское совещание молодых литераторов. Воронежская писательская организация делегировала на это совещание Василия Белокрылова и меня. Белокрылов был уже автором четырех книг. Повесть «Под солнцем покоя нет» вышла в Москве с предисловием самого Константина Симонова. Две книги — «Весна начинается с гроз» и «Мороженые ябло-

Агитпоезд «Великий Октябрь» в Калаче. В. Белокрылов (второй слева) в кругу воронежских писателей и журналистов. 1968 год

ки» — были изданы в Воронеже. А незадолго до совещания в Москве появилась книга рассказов Белокрылова «Страна голубых снегов». Я же со своей единственной книжкой сатирических и юмористических стихов выглядел на его фоне просто литературным подростком.

В Тулу мы направились втроем: курировать нашу «делегацию» было поручено прозаику Игорю Семеновичу Чемякову, возглавлявшему Воронежское отделение Литфонда и входившему в состав правления организации. В тульской гостинице нас — всех троих — поселили в одном номере. Игоря Семеновича я к тому времени знал довольно хорошо. Знал его и Василий.

До начала работы совещания мы с Белокрыловым без конца потешались над руководителем «делегации». При более близком общении Игорь Семенович оказался человеком наивным, с совершенно детским восприятием окружающего мира. Утром он мог, например, посмотреть на чашку кофе и вдруг спросить:

— А почему кофе такого цвета?

И весь день повторять:

— Ну почему?

Нас с Белокрыловым это очень веселило. Для писателя подобная наивность нередко бывает хорошей помощницей в творчестве, но у Чемякова она была явно избыточной.

Работа совещания проходила в здании тульского Дома политпросвещения. Чемяков, узнав, что творчество Белокрылова будет обсуждаться в первый же день — ближе к вечеру, настойчиво просил руководителя поэтического семинара Сергея Орлова, Марка Соболя и Михаила Львова обсудить мои стихи в первой половине дня: он очень хотел побывать и тут, и там. Ему пошли навстречу. Он подробно записывал все, о чем говорили семинаристы и руководители, обсуждая мою первую книгу и рукопись второй. Книгу оценили неоднозначно, а новая рукопись всем понравилась, и ее рекомендовали к изданию. Чемяков поздравил меня и предложил:

— Может, сходим вместе на обсуждение Белокрылова?

Так и сделали. Прозаическим семинаром руководили известнейшие писатели: Евгений Носов, Николай Евдокимов и Николай Почивалин. Книги Белокрылова, в том числе и новая — «В стране голубых снегов» — были всеми приняты восторженно, оценены высоко. Чемяков и тут записывал каждое слово. Именно в его записи цитирую оценку, которую дал творчеству Белокрылова Евгений Иванович Носов:

«Это человек безусловно одаренный. Он нашел себя в том, что очень цепко держится за увиденное, хорошо пользуется богатым жизненным материалом. В его письме нет ничего надуманного, нет никаких банальных ситуаций. Даже вообще у него не найдешь сухих страниц, его книги наполнены поэзией материальности. Эта поэзия — в скромности, в лаконичности, в знании материала. Его пейзаж, его подача какого-нибудь эпизода — это почти всегда очень точный, сдержанный, скупой рисунок, наполненный глубокой поэзией окружающего мира...»

В итоге совещание молодых литераторов рекомендовало Василия Белокрылова для приема в Союз писателей СССР. Это был его триумф! Кстати, в те годы подобные рекомендации были чрезвычайно весомы, и уже в следующем, 1972-м, году секретариат правления Союза официально оформил членство Белокрылова в СП СССР. Рекомендации для вступления в Союз дали ему Евгений Иванович Носов (Курск), Николай Михайлович Почивалин (Пенза) и Евгений Дмитриевич Люфанов (Воронеж).

У любых совещаний есть официальная, а есть и неофициальная часть. На неофициальной Белокрылов тоже был в центре всеобщего внимания. Никогда не расстававшийся с гитарой, он привез ее и в Тулу. По вечерам то в одном, то в другом гостиничном номере был слышен его бархатный баритон: он исполнял, аккомпанируя себе на гитаре, старинные романсы, песни на стихи Есенина, Лермонтова и других русских поэтов.

Пел Василий великолепно. Однажды наш ужин в тульском гостиничном ресторане несколько затянулся. Василий был навеселе, и когда на сцене появился оркестр, он вышел к оркестрантам и запел: «Гори, гори, моя звезда...» Оркестранты сначала пытались прогнать его со сцены, но из зала раздавались возгласы: «Браво!», подвыпившие посетители ресторана потянулись к сцене с деньгами, и оркестр, успокоившись, стал подыгрывать непрошеному певцу. Он пел «Утро туманное, утро седое...», «Я встретил Вас...», «Не уходи, побудь со мною...», что-то еще и еще. Этот концерт затянулся, и мы с Игорем Семеновичем Чемяковым ушли спать. Василий появился в гостиничном номере во втором часу ночи. В руках он держал довольно толстую пачку денег. Улыбаясь, сказал:

— Оркестр со мной поделился.

Прекрасный прозаик, он был талантлив во всем. Его земляк из Дерезовки Василий Звягин написал о нем: «Василий с таким же успехом мог стать музыкантом, артистом, учителем, поэтом...» Не знаю, мог бы Белокрылов стать поэтом (к слову говоря, стихи у него были), но музыкантом, артистом мог бы определенно. Музыкальным сочинительством он заниматься любил. Я не раз слышал, как Василий исполнял песни собственного творения на стихи уже названного выше Анатолия Гриценко. Эти песни очень даже впечатляли.

Когда он пел, женщины были от него просто без ума. Помню, что в Туле, например, услышав его песни, в него безоглядно влюбилась редактор одного из московских издательств. А технический секретарь редакции «Подъёма» Юлия Багринцева не раз признавалась:

— Когда Белокрылов поет, он кажется мне красавцем! Я даже не замечаю, что он одноглазый...

Правый глаз он потерял еще в детстве. Много мальчишек из нашего с ним поколения детей войны любопытство тянуло к неразорвавшимся снарядам да гранатам. А они встречались после Великой Отечественной повсюду. Вот и не избежал Василий беды. Но вспоминать о ней не любил и никакого сочувствия к себе не терпел. Более того, искренне веселился, повторяя шутку, брошенную кем-то из «подъёмовцев»: «Выпьет — и ни в одном глазу!»

Но был у Белокрылова и еще один талант. Я бы назвал его талантом быть человеком. О чем речь? После Высших литературных курсов писатель переехал в Воронеж, получив здесь квартиру, и оказался в центре не только литературных дискуссий, но и околотитулярных разборок и склок. К сожалению, в иных творческих коллективах без этого не обходится. Выделялась всевозможными скандалами и тогдашняя Воронежская организация Союза писателей СССР. Некоторые писатели ставили какие-то свои «шкурные» интересы выше творческих. Обстановка была накаленная, появились всевозможные группы и группки. Серьезные вопросы решал подчас не обыкновенный здравый смысл, а какая-нибудь новая волна амбиций. Белокрылов с самого начала стал поддерживать ровные отношения со всеми коллегами по перу. Ни в какие «драки» не ввязывался, хотя его и пытались в них втянуть. Такая его позиция вызывала у всех уважение.

1990-е годы оказались драматичными для всех писателей. Для Белокрылова, может быть, более драматичными, чем для других. Потеряв одну семью, он стал терять и вторую. Потерял и квартиру.

Так Василий возвратился в родную Дерезовку. В Воронеже уже практически не появлялся. И в 1996 году его не стало.

Творческое наследие писателя изучено пока еще в недостаточной степени. Как я уже сказал, в разные годы он работал в районных газетах Воронежской области, в том числе в Новой Калитве, Верхнем Мамоне, Калаче. Публиковал в них и стихи, и прозу. Его стихи той поры были, конечно, ученическими, но в прозе уже проглядывался будущий хороший писатель. Особенно привлекательны в этом смысле его охотничьи были и байки, печатавшиеся в верхнемамонской газете, — как под собственным именем, так и под псевдонимом В.Алексеев. Василий был хорошим охотником и умел занятно рассказать о своем увлечении как в беседах с друзьями, так и на газетной полосе.

Разнообразно и глубоко эпистолярное наследие Белокрылова. Многие его письма публиковались журналом «Подъём». Три интересных письма, адресованные коллеге по работе в верхнемамонской районной газете Ивану Федотовичу Вережкину, опубликованы Василием Звягиным в «Донской нови» 20 мая 2008 года. Письма, адресованные другу — журналисту Ивану Абросимскому, появились в его книге «Грани» (Воронеж, 2012). Шесть писем опубликовал и я в своей книге воспоминаний «Штрихи» (Воронеж, 2015). Пять из них были адресованы журналисту и поэту Алексею Багринцеву (1926–1974), дружившему с Василием, а также с Алексеем Прасоловым, посвятившим ему, Багринцеву, свое стихотворение «Я знаю, друг, средь этой лунной ночи...»

Сегодня большую часть архива Василия Белокрылова, в том числе многие его письма, хранит невестка Алексея Багринцева — Татьяна Николаевна Багринцева. Она уже опубликовала на Интернет-сайте «Русское воскресение» свою интересную работу «Эх, лучше, солнце, ты лучами брызни...» (Азбука жизни писателя Василия Белокрылова). Можно не сомневаться, что публикация неизвестных писем Белокрылова покажет, как глубок он был и в этом жанре, какая жестокая внутренняя борьба происходила в его доброй и мятежной душе.

Воронеж

Раиса Козаева,
журналист

«НЕ ГУЛЯЮТ КОНИ БЕЗ УЗДЕЧКИ...»

С ним мы были знакомы со школы, которую окончили в 1957 году. Помню, в восьмом классе среди многих «периферийцев» — жителей близлежащих к Калитве сел — сразу выделился коренастый, крепко сбитый парень с вьющимися волосами — длиннее, чем было положено по тогдашним школьным правилам. По своей близорукости я не сразу заметила, что у него нет правого глаза.

Новички держались кучками: ивановцы, гороховцы, дерезовцы, первомайцы. Мы привычно носились по коридорам, свысока поглядывая на прибывшее пополнение, а Василий степенно и независимо шествовал между классами, напоминая молодого учителя, да и был он на три года старше нас.

А потом было комсомольское собрание. И меня, уже осваивавшую азы настоящей литературы, преподнесенные Иваном Ивановичем Ткаченко, поразила образность его языка. Среди бодрых отчетов о пятерках, четверках, протараторенных казенным языком, зазвучал голос Белокрылова, сравнивавшего наши школьные неудачи со снежным комом, катящимся с горы и вбирающим в себя все новые пласты снега.

Мы были в восьмом или в девятом классе, когда в школе случилась драка. Отстаивая свое достоинство, Василий дрался с самыми сильными ребятами, признанными авторитетами школы. Драка едва не закончилась трагически. Но после этого Белокрылова зауважали в «высшем» школьном обществе. Описание этой драки есть в первой повести Василия Алексеевича, изданной в «Советской России», — «Под солнцем покоя нет».

Окончательно утвердился Василий в школе, когда на одном из вечеров спел под гитару несколько песен. Запомнилось:

Как люблю твои светлые волосы,
Как люблюсь улыбкой твоей,
Ты сама догадайся по голосу
Семиструнной гитары моей.

Кому-то стало известно, что Вася пишет стихи, и его избрали в редколлегия школьной стенгазеты. Здесь мы и познакомились поближе. Кажется, все три года совместной учебы мы занимались газетой. Даже неизбежные праздничные номера старались разнообразить рисунками Бори Таранцова и стихами Вити Будакова. Как-то забылись другие члены редколлегии, наверное, был кто-то еще, зато у нас четверых сохранились на всю жизнь добрые чувства друг к другу.

Самым трудолюбивым, напористым, организованным среди нас оказался Василий. Он точно знал свою цель и упорно шел к ней. Не бегал по институтам, не колебался в выборе профессии, а, кажется, сразу после выпускного бала пошел в редакцию Новокалитвенской газеты «Красное знамя» и начал там работать. Проработал год в двухполоске. А потом пришла в редакцию и я.

Мне объяснили, что штатной единицы пока нет, но меня берут на должность машинистки.

В. Белокрылов в редакции Новокалитвенской районной газеты
(крайний слева во 2-м ряду). 1958 год

— Но я же пишущей машинки близко никогда не видела, — робко пролепетала я, чувствуя, как гаснет моя заветная мечта быть журналистом.

— Соглашайся, — шепнул Вася, — я же работал.

— Но ты был корреспондентом...

— Корреспондентом?.. — услышала я рокочущий, насмешливый бас секретаря редакции Владимира Николаевича Яковлева. — Вася целый год числился ночным сторожем при редакции. И ты будешь помогать обрабатывать письма, корреспонденцию, писать сама, а в свободное время — учиться печатать, пригодится.

И вот мы стали выпускать свою четырехполоску. Транспортom в редакции считался ободранный черный ИЖ-49 без коляски и черный же мерин Васька. Но если за конем тщательно ухаживал конюх Иван Васильевич Колбасин, то мотоцикл стоял в сарае без надзора. Потом появился фыркающий, отчаянно дымивший ГАЗ-67 далеко не первой молодости.

Водителя не полагалось по штату, поэтому шофера взяли на должность корректора. Но этой «антилопой-гну» пользовался в основном редактор. И только в те дни, когда она изволила заводиться.

А нам приходилось обрабатывать письма, добираться в села пешком, собирать материал, писать, дежурить в типографии, по очереди быть корректорами.

В газетные дни (три раза в неделю) раньше двух часов ночи домой не приходили.

Теперь я понимаю, что меня как самую молодую в редакции жалели, отправляли в командировки поближе, а Васе доставались самые трудные участки. Отказов от него я не слышала.

Пройдя через голодное, полусиротское детство, испробовав весь тяжелый послевоенный труд, он рано понял, что не боги горшки обжигают.

Рассчитав, что пешком весь район не обежишь, он вытащил из-под хлама редакционный мотоцикл, не зная техники, как-то настроил его, завел. Ему показа-

ли, как переключать скорость, где тормоз, и он, не державший до этого никогда руль мотоцикла, дал круг и укатил в отдаленное село.

Все с волнением ждали его возвращения: не разбился ли с непривычки. Но все закончилось благополучно.

Таким же удачным был и еще один его шаг. Когда из Калитвы уехал ответственный секретарь редакции В.Н. Яковлев, встал вопрос: кем заменить? Редактор подписал приказ на Василия Алексеевича. Многие недоумевали: не рано ли? Одно дело писать самому, другое — верстка, макеты — нужен профессионализм. И у Васи с первых же дней не было неизбежных на первых порах «ляпсусов» — заголовки не «резались», всегда на положенном месте стояли все материалы.

Вспоминая события полувековой давности, я совершенно не помню в редакции пьянок. Курили отчаянно, сизый дым постоянно застилал подслеповатые оконца. Табачным дымом пропитывалась вся одежда. И когда я возвращалась домой, мама тревожно спрашивала, не стала ли курить и я, потому что от пальто шел неистребимый табачный запах.

А вот выпивали только 5 мая, в День советской печати.

Не выпивали даже в мартовский день, когда, приехав на лошади из самого дальнего села Стеценково, мы узнали радостную новость. У Васи родился сын Саша. Вся редакционная молодежь с радостными возгласами прыгала вокруг Васи, старшие солидно пожимали ему руки, обнимали, поздравляли, а вот «обмывания» не было.

После расформирования района мы с Василием встречались редко. Таких мимолетных, ничего не значащих встреч было, кажется, всего 2–3, и было теплое, к сожалению, не сохранившееся письмо в ответ на мое поздравление с выходом его первой книги.

От тех встреч, дежурных фраз ничего не осталось в памяти. Зато отчетливо запомнился длинный летний день, когда мы заготавливали сено для редакционного коня километрах в пятнадцати от Новой Калитвы, под Ольховаткой-Сапеловкой. А потом ночью на душистом привядшем сене возвращались домой.

Медленно переступал наш старый конь, дремал пожилой конюх, а мы — кассир Нина Будко, наша сотрудница Наташа Пожарова и я — смотрели на звездное небо и слушали Васину любимую песню:

Эх, да не гуляют кони без уздечки,
Ясный месяц встал между берез,
От костра, от тихой речки
Цыган девушку увез...

Тихо поскрипывала телега, качались звезды и бесконечной, как и эта дорога, казалась жизнь. Не знала я тогда, что всего через год не станет района, закроют редакцию, свезут на мясокомбинат коня. Потом умрет конюх. Давая жизнь дочери, скончается в роддоме Наташа Пожарова, потом не станет Нины Будко.

А через 37 лет прозвучит в телефонной трубке тревожный голос Петра Дмитриевича Чалого:

— Ты не знаешь, что случилось с Белокрыловым?

— Как?!

— Сегодня «Коммуна» дает некролог...

Василий Жилаев,
член Союза писателей России

НА ДЕРЕЗОВСКОМ ОСТРОВЕ, ПОД ВЕРБОЙ...

Памяти Василия Белокрылова

На дерезовском острове, под вербой,
Раскинув «скатерть» — листья лопуха,
Зажмурившись, мы пробуем «по первой»
И «по второй», но... чтоб не до греха.
Каков «первак»! Под семьдесят, пожалуй?
А хлеб домашний! А чудесный лец,
Чуть жестяной, слегка от соли ржавый...
Вот это — закусь! Это ли не вещь?!
Костер взиграет весело, трескуче.
Взметнется дым сиреневой стеной.
В донской глубине, под илистою кручей,
Вздохнет украдкой трезвый водяной.
Зрачком янтарным «выстрелит» наяда,
Сазаний хвост зазывно теребя.
Но даже если б и воссела рядом,
Уж не растрогать битого, тебя.
От табака ль, от огненной сивухи,
Что вышибает крупную слезу,
Отступят в лес языческие духи,
Замрут, как пни, в болотистом низу.

Мы поведем неспешную беседу
Друг другу в радость в сумрачной глуши.
И никакому вражескому бреду
Не исковеркать искренность души.
Припомнишь ты значительно, весомо,
Как в государстве босоногих лет
На ямищах отлавливали сома
И стерлядей, каких не видел свет!
Поведаешь с пронзительною грустью
О том, как в жизни, в личном не везло.
О том, как над поверженною Русью
Раскрыло пасть невиданное зло...
Ты сокрушался крепко, друг Василий,
Качал в ударе снежной головой.
Громады туч в неведомое плыли.
Шуршали вербы жухлою листвою.
Мы не имели степеней и званий.
Не знали мы ни храма, ни дворца,
Пытаясь вникнуть в сущность мирозданья,
В первоначальный замысел Творца.
Тянуло с луга Вечностью и сырью,
Свинцовой зыбью морщилась река.
И мнилось мне: как страждущий Икар,
Ты падал с неба, опаливши крылья,
Сквозь мрак и боль, сквозь холод, сквозь века...

Новая Калитва